

## СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

*В.В. Симонова*

### **«ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» И ТАЕЖНЫЙ АЛЬЯНС: ОБ ИНИЦИАЛАХ НА ДЕРЕВЬЯХ, ИСТОРИИ ПОДПИСИ И ПОЛИТИКЕ ГРАМОТНОСТИ У ЭВЕНКОВ СЕВЕРНОГО БАЙКАЛА\***

*Данная статья посвящается динамике таежного письма и его связи с представлениями о собственности. Буква на дереве, вещи и теле есть документирование факта использования таежного пространства эвенками и местными жителями. Ставя эту «подпись», местные таежники также свидетельствуют свою принадлежность к Тайге и становятся частью ее «собственности», частью совместного с тайгой альянса. «Собственность», таким образом, здесь может пониматься как метафора отношений человека и Тайги, во многом строящихся на воспоминаниях. Адаптация кириллицы в таежной среде не есть пассивное подчинение политике грамотности. Данная статья фокусируется на эвенкийском лесном письме, которое, претерпев социальные и политические изменения, продолжает играть важную роль в их отношениях с Тайгой и между местными жителями и существует в форме личных инициалов. В качестве этнографического материала здесь выступают архивные данные, локальные истории и мои наблюдения за практическим и символическим использованием инициалов на деревьях, вещах и на телах в Тайге. Местные жители называют такие инициалы — клеймо. Клейма известны как тип подписи, подтверждающей право человека, изобразившего клеймо на дереве, стать партнером социальных отношений с Тайгой. Инициалы соединяют прошлое с настоящим, свидетельствуют о том, что Тайга всегда была обитаема и что у эвенков сложились длительные отношения с лесом. Действительно, эвенки используют инициалы, «таежные паспорта», но данная мимикрия может свидетельствовать о том, что эвенки используют в тайге те символы, которые могут быть прочитаны и внешней аудиторией. Таким образом,*

---

\* Статья опубликована при поддержке РФФ № 14-18-02785 и INPOINT (University of Tromsø).

Симонова Вероника Витальевна — кандидат социологических наук, доктор антропологии (PhD) Абердинского университета (Великобритания), научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Тромсе, Норвегия (vsimonova@eu.spb.ru)

Simonova Veronika — Candidate of Sciences (Sociology), PhD in Social Anthropology (Aberdeen University, UK), Research Fellow, European University at St. Petersburg; Research Fellow, University of Tromsø (vsimonova@eu.spb.ru)

*грамотность имеет оригинальную социальную жизнь в Тайге, она адаптирована к локальным значениям и служит им. Альянс человека и Тайги, таким образом, перерабатывает различные вмешательства в их существование.*

**Ключевые слова:** *собственность, грамотность, эвенки, Северный Байкал, альянс.*

### Введение

Данная статья основывается на материалах, собранных в Северобайкальском районе республики Бурятия, в селе Холодное Эвенкийское. Площадь района 539,065 гектаров, население 15600 чел. Муниципальные центры представлены селами: Ангоя, Байкальское Эвенкийское, Верхняя Заимка, Кумора, Уоянское Эвенкийское и Холодное Эвенкийское, включая Душкачан и Туртуки. Природный ландшафт Северобайкальского региона состоит из горных цепей, покрытых реками и ручьями, и богат медью, золотом, слюдой. Температура может достигать до  $-40$  градусов зимой и  $+40$  летом. Снег начинает таять в апреле. Озеро Байкал служит «холодильником» летом и согревает зимой. Огромный объем воды обеспечивает более мягкий климат прибрежным зонам. Климатические условия Северобайкальского региона отличались относительной стабильностью за последние двести лет. Так, климатические условия, похожие на современные, были отмечены Н. Шукиным (Шукин 1848: 395). Он отметил, что озеро Байкал покрывается льдом в декабре или январе и полностью освобождается в мае. Местные жители того времени говорили, что лед стоит «от Николы до Николы», т. е. от шестого декабря до девятого мая. Ветра сильные, по свидетельству Н. Кирилова (Кирилов 1886: 22), который даже привел локальный глагол «хиузить» — сильно дуть.

Большую часть своей полевой работы я провела в селе Холодное Эвенкийское — одиннадцать месяцев 2007–2008, и месяц в 2009 гг. Население села каждый год варьируется и составляет около четырехсот двадцати человек. Однако также я работала в селах Кумора (население около 450 чел.), Байкальское Эвенкийское (население около 500 чел.), Туртуки (8 человек живут постоянно) и поселке городского типа Нижнеангарск (население около 6500 чел.). В том числе я работала с оленеводами на реке Тья (поселок Перевал) и реке Номама. Таким образом, ареал моей полевой работы распространяется в горной тайге в радиусе ста километров от села Холодного.

В этой статье я попытаюсь раскрыть, как эвенки сумели встроить в свои отношения с Тайгой (я намеренно использую заглавную букву в слове «Тайга», чтобы подчеркнуть ее акторность в восприятии эвенков, с которыми я работала) один из мощнейших колониальных инструментов — грамотность. В частности, я покажу, как практика вырезания инициалов на деревьях представляет отношения эвенков и Тайги как альянс, вбирающий в себя «внешние» контексты и умело адаптирующий их к своим рациональностям. Альянс человека и Тайги вбирает в себя внедрения, такие как политические и индустриальные проекты, различные идеологии социальных трансформаций и развития регио-

на. Именно альянс человека и Тайги позволяет адаптировать внешние воздействия и вовлекать их в локальные вселенные. Иными словами, здесь я попытаюсь показать на примере этнографии вырезанных на деревьях инициалов не то, как эвенки адаптируются к трансформациям, но, наоборот, как эвенки умело адаптируют их к своим реалиям и локальным смыслам.

Собственность в этом случае становится результатом консенсуса между людьми, ландшафтом и социальной памятью. Вырезанные инициалы наглядно демонстрируют процесс принятия в собственность таежного пространства, но также и передачи себя во владения ландшафта. Собственность здесь выступает и как форма отношений с Тайгой, и как идентичность.

### **Альтернативные хроники**

Несмотря на то, что политика внедрения грамотности изменила повседневную жизнь эвенков во многих направлениях, у нее есть свои границы в Тайге. Холоднинцы помнят, как их предки использовали так называемое таежное письмо в повседневной жизни. Сегодня таежное письмо претерпело трансформации и в некоторой степени обрело новые функции. Сегодня надписи в таежном пространстве имеют как практическое, так и символическое значение, а также ясно показывают, что альянс человека и Тайги имеет историю.

Если обратиться к этнографическим примерам аборигенных идеографов, то примечателен взгляд Торна (Toorn 2006). В частности, исследователь отмечает, что аборигенные идеографы есть форма взаимодействия с колониальной политикой грамотности. Как отмечает Торн, политика письменности имела неоднозначные последствия у аборигенов Австралии: «традиционные аборигенные идеографы, вписанные в европейские документы, с одной стороны, служили в качестве подписей, однако, с другой, аборигены присваивали алфавитные и числовые обозначения и заставляли их работать так, как это вовсе не было предусмотрено установленной конвенцией о пиктографическом письме и чтении» (Toorn 2006).

Колониальный контекст политики грамотности изменил повседневную жизнь аборигенов, но вместе с тем аборигены стали использовать алфавит и цифровые символы в соответствии со своими культурными представлениями и локальными целями. Аналогичным образом традиционные эвенкийские пиктограммы вступили в диалог с колониальной политикой грамотности раннего советского периода. В отличие от аборигенов Австралии, которые начали использовать колониальный алфавит гораздо раньше внедрения формального европейского проекта по языковому обучению, большинство эвенков освоили кириллицу уже после начала формальных колониальных образовательных программ. Тогда как аборигены Австралии использовали европейский алфавит, чтобы украшать им свои дубинки и бумеранги, чтобы сделать их привлекательным товаром для европейцев же, эвенки начали использовать кириллицу в лесу, чтобы поддержать их собственную традиционную систему коммуникации в Тайге.

Итак, аборигены Австралии присвоили европейскую систему письма для того, чтобы сделать их культурные объекты более привлекательными и знако-

мыми для европейцев с целью получения большего дохода от продаж. Эвенки же, напротив, присвоили кириллицу для того, чтобы использовать ее в лесу, где они в меньшей степени ожидали коммуникации с русскими или же другими группами, пришедшими в места проживания эвенков. Иными словами, кириллица использовалась для поддержания коммуникации в Тайге. До момента внедрения грамотности эвенки использовали различные знаки, что впоследствии было «смыто» политикой внедрения грамотности. Однако колониальный алфавит существует за пределами административного контроля и обретает значения в индигенных сообществах, которые разительно отличаются от тех, которые предполагались изначально. Например, Маллеа-Олаетксе (Mallea-Olaetxe 2000; Mallea-Olaetxe 2001) изучала резьбу на деревьях представителей группы иммигрантов-басков в США (Калифорния и Невада). Она идентифицировала резьбу на осинах как свидетельство создания альтернативной истории у баскских пастухов-овцеводов. Автор пишет, что надписи на осинах есть не что иное, как «барометры» социальных перемен, поскольку они рассказывают истории, отличные от тех, что напечатаны в книгах (Mallea-Olaetxe 2000: 46). Так, книги по истории говорят о постоянно снижавшейся овцеводческой деятельности во времена Великой Депрессии в США, однако надписи на осинах свидетельствуют об обратном: овцы никуда не делись, они просто «сменили хозяев». Более того, осины также обеспечивали прекрасную зону форума для использования баскского языка, запрещенного в то время в публичной сфере. Резьба на осинах, таким образом, представляет собой «плодотворную рефлексию черт баскской культуры, таких как любовь к родине, гордость, чувство сопричастности и направленный оптимизм» (Ibid: 157).

В своей книге Маллеа-Олаетксе говорит о том, что эта сфера культуры не была политически отфильтрована, поскольку правительство не сильно заботилось о практике резьбы на осинах. Поэтому эти деревья открывают альтернативные динамики и восприятия жизни людей, чья культура пострадала от колониального вмешательства. Данный подход представляет ценность для моей этнографии, поскольку позволяет посмотреть на эвенкийскую резьбу как на истории, альтернативные тем, что написаны в книгах и распространены как стереотипы об эвенкийско-русских контактах и отношениях.

Несмотря на то, что тунгусские клановые символы исчезли, смытые «колониальными волнами», проникшими практически во все сферы локальной жизни, эвенки впитали и применили по-своему представленные нововведения.

В данной статье я не намереваюсь полностью проанализировать значения письма и грамотности у северобайкальских эвенков, хотя я не могу согласиться с подходом, предложенным Л. Гренобл и Л. Уэли, которые отмечали, что «грамотность не играла существенной роли в традиционном эвенкийском обществе. Сложно представить, что она могла бы играть в силу их нomaдизма, который требовал постоянного движения и полной вовлеченности каждым индивидом в каждом клане в процесс выживания. Исходя из этого, история эвенкийской грамотности начинается с советской эры» (Grenoble, Whaley 2003: 111). Напротив, история эвенкийского письма началась гораздо раньше. Столкновение языков по-разному влияло на эвенкийские сообщества и их отношения с Тай-

гой. Я также не намереваюсь дать полноценный анализ и концептуализировать «резные послания» в эвенкийской культуре, как это было сделано Маллеа-Олаетксе и рядом ученых, занимающихся саамской резьбой на деревьях (Andersson 2005; Andersson, Östlund, Lindqvist 2005; Östlund, Zackrisson, Hörnberg 2002; Ericsson, Östlund, Andersson 2003). Однако же я подхожу к эвенкийским резным посланиям схожим образом: как к культурному архиву и наследию.

Данная статья фокусируется на эвенкийском лесном письме, которое, претерпев социальные и политические изменения, продолжает играть важную роль в их отношениях с Тайгой и между местными жителями и существует в форме личных инициалов. В качестве этнографического материала здесь выступают архивные данные, локальные истории и мои наблюдения за практическим и символическим использованием инициалов на деревьях, вещах и на телах в Тайге. Местные жители называют такие инициалы — клеймо. Клейма известны как тип подписи, подтверждающей право человека, изобразившего клеймо на дереве, стать партнером социальных отношений с Тайгой. Инициалы соединяют прошлое с настоящим, свидетельствуют о том, что Тайга всегда была обитаема и что у эвенков сложились длительные отношения с лесом.

### История знака у эвенков на Северном Байкале

Контексты индигенного письма и материальные артефакты, связанные с ними, — очень сложный феномен, а подходы к пониманию его иногда противоречивы. Например, возьмем широко известное юкагирское любовное письмо, датированное 1895 г. (см. De Francis 1989). Этот артефакт представляет пиктографические изображения как форму письма. Де Франсис (De Francis 1989), Унгер (Unger 2004) и Пелловски (Pellowski 2005) принимают пиктографическое письмо, написанное / нарисованное юкагирской девушкой, как пример формы грамотности. Однако нет единого мнения относительно того, как можно интерпретировать это письмо. Сэмпсон (Sampson 1987: 27, 29) обращается к понятию письма и его соотношению с разговорной речью. Он рассматривает юкагирское любовное письмо как неоспоримое свидетельство того, что разговорный язык не обязательно разговорный, потому что символизм не обязательно репрезентирует определенные элементы разговорного языка и существует множество путей вербализации содержания этого письма. Более того, Сэмпсон утверждает, что юкагирская система письма представляет идеи напрямую: «идеи представлены так, словно они находятся на том же уровне, что и разговорный язык» (Ibid: 29).

Де Франсис (De Francis 1989), критикуя Сэмпсона, утверждает, что юкагирское письмо не может иметь совершенно никакого отношения к разговорному языку. Де Франсис представляет читателям этнографический контекст создания юкагирского любовного письма и ему подобных писем в юкагирском обществе. Девушки делали такие письма и схожие вещи для развлечения: чтобы окружающие гадали о романтической стороне их жизни.

В данной статье я не преследую цели анализировать соотношение между письмом и разговорным языком в эвенкийском обществе, также дать четкое определение эвенкийского письма. Фокусом данной статьи является использо-

вание знаков в Тайге. Я рассматриваю изменения в интерактивной системе эвенков, внесенные проектом внедрения грамотности, особенно в раннесоветский период. Этот государственный проект стал пространством тотального языкового растворения, какого до тех пор эвенки еще не переживали.

Подобное влияние в позднесоветский период было прекрасно проиллюстрировано детским советским писателем В. Глушенко (1986) в его произведении «Хукты Чапогир готовится в дорогу». Эта история открывает изменения в отношении эвенков к своей форме коммуникации через диалог между двумя подростками. Главный герой — эвенкийский подросток. Он вырезал традиционный эвенкийский календарь на деревянной дощечке. Эта вещь была подарком для его подруги, которая из-за болезни попала в госпиталь. Девушке понравился подарок, но она без особого энтузиазма сказала, что в нем больше нет никакого смысла, т. к. эвенки теперь обучены грамоте и им известен настоящий календарь.

Эта история открывает колониальную перспективу введения грамотности, которая неизбежно повлияла на отношения эвенков и окружающей среды. Эвенки осуществляли коммуникацию в лесу, используя свои собственные знаки, что позволяло им взаимодействовать друг с другом на расстоянии. Но каждая колониальная история обязательно имеет свои «бумажные основания», которые существуют в форме документов, правовых свидетельств новой власти и цивилизации.

Однако нельзя говорить о «столкновении», в агрессивном понимании этого слова, систем обозначений эвенков и пришлого населения. Последние, о чем будет сказано ниже, должны были принимать эвенкийские таежные знаки с определенной долей чуткости: невнимательность в лесу к эвенкийским обозначениям могла слишком дорого обойтись. Таежные знаки имели отношение только к лесным занятиям и помогали эвенкам следовать друг за другом, ждать, успешно охотиться и содержать оленей.

Эвенки достаточно активно использовали традиционные таежные символы и в позднесоветский период, что может означать, что колониальные режимы различных эпох не слишком сильно внедрялись в эвенкийский таежный контекст. Языковая политика была скорее озадачена дискурсивным внедрением русского языка в эвенкийские общества. Успехи в повседневном использовании русского языка стали одним из знаков успехов русификации и социального развития эвенков.

Вырезанные на деревьях знаки всегда были характерны для эвенков (Хороших 1950; Линхобоев 1955; Василевич 1969), но любопытно, что отсутствует систематическое этнографическое исследование этого феномена, хотя отрывочные записи вышеупомянутых этнографов свидетельствуют о том, что данная практика была важна для эвенков. Некоторые пожилые жители села Холодного еще помнят, как их предки использовали резные деревья. Местные жители, которые продолжают работать в Тайге, также продолжают вырезать на деревьях знаки, ориентируясь на прошлое этой практики. Эвенки вырезали знаки на деревьях, чтобы ориентироваться, обозначать принципы использования определенного охотничьего надела или ареала, а также для обозначения стоянок.

Еще до «русской эры» тунгусы интенсивно использовали таежные пространства и взаимодействовали, используя свою собственную систему ориентации в лесу. Профан вряд ли мог пройти сквозь лес без эвенка-проводника, который мог читать знаки в лесу, иначе можно было угодить в одну из лесных охотничьих ловушек и погибнуть (Георги 1777: 43). Более того, эвенки использовали свои знаки, называемые тамги (Спасский 1822: 320) «что может быть переведено с бурятского языка как печать» (Линхобоев 1955: 127). Тамги выступали символами частной собственности.

Г. Василевич, проводившая экстенсивную полевую работу среди различных групп эвенков, писала, что эвенки оставляли метки на оленях, чтобы обозначить, кому они принадлежат (Василевич 1969: 78). Помимо оленей, эвенки также оставляли орнамент на крышках от кастрюль и горшках с той же целью (Там же 1969: 120). Сопоставляя эту практику со схожей у эвенов и долган, Василевич также отмечает, что эта практика имеет отношение к символизации старых названий кланов (Там же: 134).

Принципы маркирования вещей и оленей исторически связывались с правами собственности и родовой идентичностью. Так, Спасский (1822: 320), живший среди эвенков Забайкалья, сделал наблюдения о стилях подписей тунгусов того периода. Он отметил, что тунгусы не имели письменности, но использовали русские, монгольские, тангутские буквы. Вместо подписей каждый семейный клан имел свой знак, тамгу. Похожими знаками тунгусы клеймили своих лошадей. Иногда они оставляли свои знаки на камнях, деревьях и только они были способны понять их значения.

Стиль, избранный эвенками для их таежных знаков, связан с пиктографическими подписями, оставленными на документах (*знамена*) семнадцатого и восемнадцатого столетий. Эти подписи есть форма рисунка, варьирующаяся от группы к группе. Различия обусловлены видом деятельности (Василевич 1969: 192). Например, изображение лука и стрелы принадлежало так называемым пешим эвенкам, олений наездник — соответственно, оленным тунгусам, а всадник на быке или лошади типично относился к забайкальским скотоводческим группам.

Другое измерение эвенкийского письма связано с историей колонизации Сибири и Дальнего Востока. Как коренные жители, так и вновь пришедшее население той эпохи сильно зависели от административного аппарата Российской империи, установленного в регионе. Способы внедрения политики грамотности, которые использовали администраторы, показывают так называемые цивилизованные принципы работы с местным населением. Эвенкийские подписи появились в документах царской эпохи и позднее трансформировались в официальные печати, которые каждый эвенкийский шуленга (вождь) и староста обязаны были иметь. Шуленга или староста могли быть «агентами» вновь установленного режима, хотя обычно агентами режима выступали местные торговцы «тунгусники». «Тунгусники» должны были иметь дело с «друзьями» — русскими купцами. Иногда тунгусники становились также агентами русских купцов (Василевич 1969: 180).

Как правило, каждый тунгусский клан имел двух предводителей: шуленгу и старшину (Архивные материалы Национального архива республики Бурятия



чтобы преподавать эвенкийский язык в школах. С. Широкогоров (Shirokogoroff 1991: 49, 56–57)\* сильно критиковал такой подход к эвенкийскому языку. Он полагал, что вновь созданный искусственный эвенкийский язык был не более чем упрощенным конгломератом, не имевшим ни какого отношения к культурным особенностям различных эвенкийских групп и ни в коей мере не подходящим для полноценного выражения человеческой мысли.

Политика по внедрению грамотности постепенно стала вытеснять эвенкийский стиль подписи на официальных документах. В конце концов «грамотные» подписи заменили «луки и стрелы». Последнее оригинальное тунгусское факсимиле было зафиксировано В. Туголуковым (Туголуков 1969: 197) в поселке Хантайское Озеро в 1959 г.

Итак, эвенкийские таежные обозначения прошли сквозь серию изменений. Эти изменения, по мнению Д. Андерсона (Anderson 2000: 232), делали ссылки на представления об эвенках как субнации, что негативно сказалось на их самоидентификации. На мой взгляд, современные инициалы, вырезанные в Тайге, можно рассматривать как модифицированную версию «таежного письма». Дж. Гуди (Goody 1977: 33–34) полагает, что изменения в средствах коммуникации во многом связаны с колониальными процессами, однако последние стимулируют создание новых смыслов из «новой интеллектуальной вселенной».

В следующем разделе я рассмотрю, как жители села Холодное вырезают инициалы в Тайге, какими смыслами нагружена эта практика сегодня, а также как это связано с интерпретацией локальных отношений с Тайгой и прошлым. Я рассмотрю практику создания таежных инициалов как принцип персонификации Тайги через воспоминания. Для обозначения таежных инициалов местные жители используют слово «клеймо». Клеймо также используется оленеводами как метка животного, что есть знак собственности. Местные жители также оставляют инициалы на стенах домов, зимовьях (охотничьи домики), вещах и телах. В этой статье я коснусь только одного измерения этой интереснейшей практики: деревьев. В частности, я рассмотрю, как северобайкальские эвенки используют клейма в качестве коммуникативного инструмента в лесу, как они помнят «таежное письмо» своих предков, как частные биографии связывают прошлое с настоящим и как данная практика служит инструментом создания альянса человека и Тайги.

Г. Василевич (Василевич 1969: 186–187) пишет, что для того чтобы взаимодействовать в лесу, эвенки использовали систему знаков и рисунков. Она отмечает, что еще Георги писал, что эвенки рисовали сообщения на земле для тех, кто должен был прийти за ними позже, а Миддендорф документировал рисунки голов оленей и лошадей на территории Верхнеамурска и в разных таежных зонах как практику поиска потерянных животных. Там же Василевич упоминает, что эвенки вырезали черты человеческих лиц на деревьях, и связывает это с периодом межклановых войн. Эвенки верили, что дух убитого будет преследовать убийцу, если не вырезать лицо на дереве. Душа убитого поселится в рисунке и не будет мстить.

---

\* Посмертная публикация, не издававшаяся ранее.

Пожилая жительница села Холодного Прасковья Лекарева, которая родилась в этом районе, рассказывает, что, несмотря на то, что у эвенков не было собственной грамотности, они широко использовали знаки для успешной охоты. Таежные знаки были этикой и обязательством, согласованным между охотниками: *«Тунгусы безграмотные были, но у них были свои знаки. Они же перемещались по разным участкам. Если кто-то, добывая зверя на чужом участке, скажем, соболя добыл, он оставлял знак, чтобы хозяин участка знал, что на его земле, знал, кто и сколько соболей добыл на его участке, и он может сделать то же самое. Браконьерства не было, это был такой закон таежный. Я так думаю, что это тоже можно назвать грамотой, да они это знали. Когда кто-то что-то добывал, он вырезал на дереве знак и у каждой семьи был свой знак»*. Охотник Александр Ганюгин тоже считает, что таежные знаки представляют собой старинный метод обозначения границ между эвенкийскими кланами и их охотничьими угодьями.

Пожилого жителя села Холодного Аркадия Лекарева, известного как опытный таежник и каюр, в селе почтительно называли Амака, что означает «медведь» или «дедушка». Я познакомилась с Аркадием Лекаревым, когда он сидел на пороге своего дома и курил. Узнав о цели моего прихода, он покачал головой и сказал, что не понимает смысла в работе этнографов и, вообще, ему их жаль. Они тратят много времени и сил, но пишут «пустые книги», тогда как глубина знания эвенков всегда остается нераскрытой, поскольку тяжелая работа понимания не свойственна людям этой профессии. Этнографы, по его мнению, способны понять лишь небольшую часть жизни эвенков: «по вершкам нахватают». Он любезно согласился говорить со мной, поскольку вошел в мое положение «зависимого от института человека», который имеет не только личный интерес, но и рабочие обязанности.

Когда я затронула тему знаков на деревьях, он удивился, что я не знаю эту часть культуры эвенков. Он считал, что это должно быть хорошо известным фактом. Он рассказал, что эвенки делали резьбу на деревьях во время стоянок. Как правило, эвенки делали знаки на лиственницах. Он вспомнил, что когда он был молодым и жил в лесу, то видел рисунки головы лося (сохатый) или оленя. Аркадий также упомянул, что эвенки делали такие рисунки на *атоге* (временная стоянка, обычно одна ночевка) и *биките* (остановка более чем на одну ночь, а также место хранения съестных припасов и экипировки). Однако такие рисунки, по его мнению, хорошо видны только в течение пяти лет.

Эвенки выбирали места стоянки в зависимости от воды, ветра и лиственниц. Вода нужна для приготовления пищи и чая, ветер защищал людей от назойливых насекомых. Кроме того, сильный ветер валил деревья, что помогало людям экономить время и силы на заготовку дров. Лиственницы же служили знаком плотной почвы, а их древесина считается самой «бесшумной»: костер не трещит и не мешает сну.

Охотник Владимир Ганюгин связывает клейма с теми людьми, которые жили в этих местах примерно «одно поколение назад». Он утверждает, что видел большой рисунок на дереве, растущем между реками Чая и Чуя. Он классифицировал этот рисунок как тип «затеси» и считает, что рисунок был сделан, возможно, Сергеем Симорчиным в 1960-х гг. Отец Владимира Ганюгина также

рассказывал ему о том, что видел дерево с изображением головы оленя или лося в верховье реки Кичеры. Он полагал, что изображение было не чем иным, как знаком (указателем) того, что в этом месте часто появлялись разные животные. К сожалению, дерево было срублено из-за проекта дороги в эпоху строительства БАМа.

Сегодня большинство жителей села Холодного называют клеймами вырезанные изображения инициалов. Александр Ганюгин также утверждает, что видел подобные клейма как на деревьях, так на тунгусских захоронениях взрослых и детей. Инициалы на деревьях, сделанные предшественниками современных холоднинецев, служат свидетельством освоения эвенками пространства. Например, Олег Ганюгин считает, что исходя из хроник клейма, можно сказать, что территория современного Северобайкальска некогда принадлежала семье Лекаревых.

Григорий Марков также встречал деревья с клеймами. Он объяснил, что есть «популярные» деревья. Он также видел, как люди вырезали свои инициалы во время стоянки (*атог*) и иногда добавляли даты. Григорий Марков также вырезал свое личное клеймо («М.Г.П.») в районе горы Апчады и в районе реки Чаи. Он также помнит, что люди отмечали перекрестки изображениями на лиственнице, однако позже люди перестали вырезать изображения, а вместо этого стали вырезать свои инициалы и фамилии и лиственница была полностью покрыта клеймами (рис. 4, 5)\*.

Практика вырезания клейма на деревьях свойственна не только людям, но и медведям. Местные жители верят, что таким образом медведи взаимодействуют с людьми. Медведи оставляют свои клейма на деревьях рядом с охотничьими зимовьями как способ поддержания вежливой дистанции между медведями и людьми. Медвежий клейма есть инструмент их дипломатии, сигнализирующий людям об их присутствии на данной территории.

Виктор Ганюгин, школьный учитель, активно использует медвежий клейма на уроках экологии. Исходя из особенностей медвежьего клейма восстанавливается размер животного и время его последнего пребывания на данной территории. Считывается «сообщение» медведя людям: «вы здесь не одни, помните это, у меня тоже есть свои интересы, с которыми нужно считаться» — так примерно перевел «медвежий пиктограмму» Виктор Ганюгин, когда мы обнаружили ее во время одного из уроков по экологии (рис. 6).

Инициалы медведя и человека на деревьях стирают грань между человеком и животным, и на таежной арене появляются персоны, акторы, выстраивающие друг с другом дипломатические отношения, — это можно назвать «миметической эмпатией», о которой писал Р. Виллерслев (Willerslev 2012).

---

\* Деревья находят место в эвенкийской космологии. Береза, исходя из традиционных верований, считается деревом, дающим жизнь, и иногда ассоциируется с Венерой (Челбон) или луной. Осина же считается «злым» деревом и обладает негативными для человека свойствами. Однако традиционные космологические представления на сегодняшний день не влияют на практику вырезания клейма на Северном Байкале.



*Рис. 4. Клеймо «А.А.», Холодная, 2008, вырезано примерно в 2004 г.*



*Рис. 5. Клеймо «Е.Л.» по дороге на гору Акукан*



Рис. 6. Виктор Ганюгин читает медвежье клеймо, *Холодная*, 2008

### Заключение

Итак, в статье были представлены этнографические данные о культурной жизни таежного письма и о его трансформации и историческом контексте. Я не касалась такой существенной части «таежной грамматики», как вопросы ориентирования, т. к. это отдельное направление исследований. Также стоит еще раз подчеркнуть, что инициалы в Тайге имеют еще два важных измерения, не рассмотренных в данной статье: вещи и тела. Я рассмотрела лишь «имя собственное» — клейма на деревьях, — которые под влиянием политики по внедрению грамотности претерпели изменения, однако эти изменения отнюдь не являются результатом пассивного приятия кириллицы, к чему я вернусь в самом конце. В целом таежное письмо на Северном Байкале прошло сквозь следующие изменения: от рисунка к инициалам, от символа к букве. Какой же ключ этнография клейма на деревьях дает нам для понимания жизни эвенков Северного Байкала? Что, собственно, мы можем прочитать, смотря на эти клейма?

С одной стороны, можно предположить, что произошло упрощение отношений человека и Тайги, поскольку, на первый взгляд, символ стал знаком. Рисунок на дереве, некогда отсылавший к таежному контексту, замещен бук-

вой, отсылающей к конкретному человеку. Оригинальные эвенкийские изображения замещены колониальным алфавитом. Однако на этот процесс можно посмотреть несколько иначе. Буква на дереве не есть только буква, но все тот же рисунок, все тот же символ, но отнюдь не знак. Этот рисунок отсылает нас все к тому же таежному контексту, но уже имеет дело со значениями иного рода. Тайга «биографизируется» и персонифицируется через букву-как-символ.

Если обратиться к историческому контексту внедрения грамотности, то можно предположить, что началом процесса биографизации Тайги стал момент, когда эвенки начали использовать общие культурные символы как подписи в упрощенном варианте и как личные, но не родовые знаки (вспомним лук и стрелы на архивных документах). Постепенное распространение грамотности и понимания подписи как личного знака, символизирующего «общего себя» в мире официальных документов, получило распространение в лесу, и буква на дереве стала символизировать «общего себя» в мире Тайги.

Инициалы стали, таким образом, локальным «паспортом», говорящим нам о том, что между человеком и Тайгой существует альянс. Конечно, инициалы на деревьях говорят нам о том, что эвенки подчеркивают свою историю жизни в Тайге, но вместе с тем идея о том, что Тайга может быть присвоена только эвенками, возникает в локальных нарративах. Например, Аркадий Лекарев считает, что древесные клейма есть свидетельства того, что Тайга всегда была обитаема эвенками и принадлежит им. Однако процесс присвоения Тайги через букву гораздо более сложный, и «собственность» в этом ключе не может быть грубо адаптирована из экономических определений.

Буква на дереве есть документирование факта использования таежного пространства эвенками, но не только: ставя эту «подпись», местные таежники также свидетельствуют свою принадлежность к Тайге и становятся частью ее «собственности», частью альянса. «Собственность», таким образом, здесь может пониматься как метафора отношений человека и Тайги, во многом строящихся на воспоминаниях. Буква в Тайге, безусловно, символ. Она, с одной стороны, традиционное продолжение использования древесных рисунков, но, с другой, она есть результат мимезиса колониальной системы грамотности. Под мимезисом я имею в виду концепцию подражания колониальной политической системе, теоретически разработанную М. Тауссигом (Taussig 1994).

Я уже упоминала о том, что адаптация кириллицы в таежной среде не есть пассивное подчинение политике грамотности. Действительно, эвенки используют инициалы, «таежные паспорта», но данная мимикрия может свидетельствовать о том, что эвенки используют в тайге те символы, которые могут быть прочитаны и внешней аудиторией. Таким образом, грамотность имеет оригинальную социальную жизнь в Тайге, она адаптирована к локальным значениям и служит им. Альянс человека и Тайги, таким образом, перерабатывает различные вмешательства, в данном случае, грамотность, в их консенсус и не адаптируется к ним, но наоборот, умело адаптирует их в свои контексты и смыслы.

### Литература и источники

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX века) Л.: Наука, 1969.

Георги Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их обычаев, вер, жилищ и прочих достопримечательностей. СПб., 1777.

Глущенко В. Кукты Чапогир готовится в дорогу. М.: Литература, 1986.

Кирилов Н.В. О Забайкальском климате. Конволют Е63/444, Библиотека Русского Географического Общества, 1886.

Линхобоев Г.Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят. Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1955.

Спаский Г. Забайкальские тунгусы (окончание) // Сибирский Вестник, 1822, 17, с. 311–320.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.

Хороших П.П. Путевые знаки эвенков-охотников (из материалов по этнографии эвенков реки Нижней Тунгуски) // Краткие сообщения института этнографии, 1950, вып. 10, с. 57–60.

Шукин Н. С. Море или озеро Байкал? // Журнал министерства внутренних дел, 1848, 23, с. 229–244, 383–409.

Anderson D.G. Tracking the „wild Tungus“ in Taimyr: identity, ecology, and mobile economies in Arctic Siberia in: P.P. Schweitzer, M. Biesele, and R.K. Hitchcock (eds.) *Hunters and gatherers in the modern world: conflict, resistance, and self-determination*. Berghahn Books, 2000, pp. 223-244.

Andersson R. *Historical land use information from culturally modified trees*. Umeå Swedish University of Agricultural Sciences, 2005.

Andersson R., Östlund L., Lindqvist, R. Carved trees in grazed forests in boreal Sweden — analysis of remaining trees interpretation of the past land-use and implications for conservation, *Vegetation History and Archaeobotany*, 2005, 14, pp. 149-158.

Argunova-Low T. Narrating the road, *Landcape Research*, 2012, 37(2), pp. 191–206.

Basso K. *Wisdom sits in places. Landscape and language among the Western Apache*. New Mexico: New Mexico University Press, 1996.

De Francis J. *Visible speech. The diverse oneness of writing system*. Honolulu: University of Hawai Press, 1989.

Dmytryshin B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T. *Russia's conquest of Siberia*. Portland, Oregon: Western Imprints, 1985.

Ericsson T.S. Östlund, L. Andersson, R. Destroying a path to the past — the loss of culturally scarred trees and change in forest structure along Allumunvägen in Mid West Boreal Sweden, *Silva Fennica*, 37(2), 2003, pp. 283-298.

Goody J. *The domestication of the savage mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Grenoble L.A. and Whaley L.J. The case for dialect continua in Tungusic plural morphology, in: *Current trends in Caucasian, Easy European, and Inner Asian linguistics* (eds.) Dee Ann Holisky, Kevin Tuite, 2003, pp. 97-123.

Hallowell A. I. Ojibwa ontology, behavior, and world view, in: Graham Harvey (ed.) *Reading in indigenous religions*. New York: Continuum, 2002, pp. 17-50.

Mallea-Olaetxe J. *Speaking through the aspens. Basque tree carvings in California and Nevada*. Nevada: Nevada University Press, 2000.

Mallea-Olaetxe J. Carving out history: the Basque aspens, *Forest History Today*, 2001, Spring/Fall, pp. 44-50.

Östlund L., Zackrisson O., Hörnberg G. Trees on the border between nature and culture: culturally modified trees in boreal Sweden, *Environmental History*, 2002, 7(1), pp. 48-68.

Pellowski A. *Drawing stories from around the world and a sampling of European handkerchief stories*. Westport: Libraries Unlimited, 2005.

Sampson G. *Writing system. A linguistic introduction*. London: Hutchinson, 1987.

Shirokogoroff S.M. (posthumous, never been published before). Tungus literary language, *Asian Folklore Studies*, 1991, 50(1), pp. 35-66.

Taussig M. *Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Toorn P.V. *Writing never arrives naked: early Aboriginal cultures of writing in Australia*. Aboriginal Studies Press, 2006.

Unger M.J. *Ideogram: Chinese characters and the myth of disembodied meaning*. Hawai'i: University of Hawai'i Press, 2004.

Willerslev R. *On the run in Siberia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012.

### Архивные материалы

#### Национального архива республики Бурятия (НАРБ)

Фонд 328-1-68 [1915] Нижнеангарское киндигирское родовое управление Баргузинского уезда Забайкальской области, поселок Нижнеангарск 1819–1917.

Фонд 328-1-95 [1832] Донесение Нижнеангарского Киндигирского рода шуленги о добыче рыбы посторонними судами в речке Ангаре, принадлежащей тунгусам.

Фонд 50-1-15 [1908] Общественные протоколы о хозяйственной деятельности подлеморских тунгусов.